
Елизавета Соболянская
Первый выпуск

Елизавета Соболянская

Первый выпуск

«Автор»
2026

Соболянская Е.

Первый выпуск / Е. Соболянская — «Автор», 2026

Первый выпуск знаменитой школы благородных девиц покидает школу. Кто-то выходит замуж, кто-то получает должность при дворе, а кто-то идет в пепиньерки, чтобы через год стать учителем или гувернанткой. Акилина, дочь дворянина и купчихи, решает остаться в школе еще на год и начинает вести дневник, в котором рассказывает то, что не может доверить сердцу.

© Соболянская Е., 2026
© Автор, 2026

Елизавета Соболянская
Первый выпуск

Глава 1

Хорошенькую тетрадь с обложкой из куска фиолетовой тафты и миниатюрным серебристым замочком мне подарила на Рождество наша маман — директриса благотворительной школы, в которую я угодила волей моего дяди-опекуна и Провидения.

Я долго гладила рельефную ткань, металлические уголки, замочек с ключиком, плотную белоснежную бумагу и маленький острый карандашик, лежащий в специальном кармашке.

Потом взяла его и на внутренней стороне обложки написала еще кривыми, непослушными буквами: “Сия памятная книжица принадлежит Акилине, дочери купца Семена Терентьевича Лескова, торгующего дегтем и лесом”.

Тогда я еще не знала, что купец Семен мне не отец, но… обо всем по порядку!

Александра Николаевна, директриса “Школы благородных девиц Терезии Ольденбургской”, многим ученицам дарила нужные и полезные вещи, при этом умела так угадать, что ее подарок становился очень важным и ценным для девочки.

Некоторые с годами стали почитать эти мелочи талисманами и всюду носили их с собой.

Носила и я свою тетрадь, потому что под фиолетовой обложкой шириной в ладонь пряталась вся моя жизнь.

Этот дневник я вела с первого своего Рождества в благотворительной школе, и сейчас, когда мои подруги уже покинули эти благословенные стены, мне приятно пролистнуть страницы с первыми детскими каракулями, смешными рисунками и несколькими нехорошими словами, услышанными от нашего дворника и “дежурных” офицеров.

Как же мои детские рисунки поместились в эту книжку рядом со взрослой повестью о жизни? Невинное дитя, ничего не понимающее в магии, я не сразу разобралась, что подарок от Александры Николаевны оказался особым: под красивой обложкой скрывалась дюжина зачарованных листов — как только дописываешь строчку на последнем, снова открывается чистый первый лист. При этом найти необходимое в ней можно было довольно легко — не было необходимости листать много-много страниц, чтобы отыскать забытое стихотворение или адрес. Достаточно было хотя бы примерно помнить дату.

Положишь ладонь на страницу, проговоришь про себя или вслух “двадцать пятое декабря тысяча восемьсот сорок второго года”, и перед тобой кривенькая подпись и первая намалеванная кое-как снежинка… Главное — не забывать ставить даты перед каждой записью.

Открыть эту маленькую книжку могла только я — привязка на крови не позволяла сделать это даже классной даме. Если же замочек будет сломан, любопытный увидит только пустые страницы.

Впрочем, никто и не пытался открыть мой дневник насильно или сломать замок, зато все привыкли, что я ношу эту книжечку с собой и делаю записи на переменках.

Разные пустяки — что готовили на обед, какой узор я нашла для вышивки, сколько раз пришлось переписать “письмо приличной барышни к папеньке” из письмовника и как я его отправляла через мадам Пишше.

Неведомо каким усилиями мадемуазель Пешковой удалось привить классным дамам уважение к нашим личным вещам и пространству. Мы всегда могли иметь свои маленькие секреты и не бояться, что их вытряхнут перед посторонними.

В дневники, которые многие барышни завели, подражая романтическим героиням, никто не лез, как и в специально сшитые мешочки для сладостей, шкатулки или корзинки для рукоделия, и даже в нижнее белье никто не заглядывал — открывая тумбочку во время ежедневной проверки, дежурная madame просто заглядывала внутрь ящика, убеждалась, что все сложено аккуратно, и тут же закрывала все назад.

Старшие пансионерки шепотом рассказывали в столовой, что мадемуазель Алмазова, переведенная в старший класс из Смольного института, первое время не могла поверить, что никто не станет вытряхивать ее мешочки и коробочки на постель на глазах всего дортуара!

Замечания пансионеркам делались тихо — наедине или на ухо. Мы так уважали и любили наших наставниц, что стремились исправить малейший беспорядок немедля.

Даже самые неряшливые девочки — те, кто в силу природной рассеянности или отсутствия должного воспитания дома не умели сами прибирать своей одежды, игрушек или книг — быстро всему научались. А уж за чистотой ногтей, ушей, шеи и рук в школе следили особенно строго.

В каждом дортуаре имелись уборные с хорошим душистым мылом, губками для мытья рук и маленькими зеркалами. Маман говорила, что зеркало не сделает нас тщеславными, зато поможет знать себя и не бояться быть разной.

Ой, как мы порой смеялись, видя себя в зеркале после тренировки в конюшне или прохождения “солдатской полосы”! Чумазые, пыльные, измазанные травой, с листьями или соломой в волосах! Мы выглядели грязнее деревенских девок, с которыми иногда сталкивались на даче!

Отсмеявшись, конечно, приводили себя в порядок — умывались, причесывали волосы частыми гребнями, плели косы, надевали серые платья с передниками и чинно шли на обед или ужин…

Хорошее было время!

Но полно об этом! Вчера в нашей “Школе благородных девиц Терезии Ольденбургской” официально состоялся первый выпуск!

Глава 1

Да-да, выпуск считался первым, хотя за минувшие десять лет немало барышень покинули стены этой школы. Просто они попадали в наше учреждение уже взрослыми, некоторые — из других школ, поэтому их выпускные дипломы, балы и медали не считались “настоящими”, ведь они не прошли полный курс наук, а имели лишь короткие трех-пятилетние занятия с нашими преподавателями.

Впрочем, дипломы они, конечно же, получили, и маман отслеживала судьбу каждой из них лично.

Я сама однажды видела в ее кабинете целый металлический шкаф с папками “личных дел”, зачарованных так, что в случае попытки взлома весь этот медный ящик раскалялся и сжигал все свое содержимое.

В этот шкаф складывали письма от выпускниц, вырезки из газет с их именами и фамилиями, а также копии наградных листов, свидетельств о браках и крещении детей.

Александра Николаевна даже вела что-то вроде летописи, запечатлевая успехи своих учениц, но никому их почему-то не показывала. А ведь гордиться точно было чем!

Например, мадемуазель Алмазова, которую я помнила довольно смутно — она училась в старшем классе и выпустилась, когда я только перешла в средний, так вот, эта мадемуазель теперь известная повитуха! Ее зовут на все роды в императорской семье, и самые знатные фамилии считают честью пригласить ее к себе — осмотреть будущую роженицу, принять дитя или полечить “женскую” хворь.

Правда, мадемуазель так и не вышла замуж, зато заткнула за пояс мадам Гессе, принимавшую детей императорской четы. Буквально через три-четыре года после выпуска мадемуазель Алмазова заимела каменный дом на Миллионной улице, загородную дачу в Петергофе и длинный список тех, кому она спасла жен, детей или и тех и других.

Иногда мадемуазель приезжала к маман в гости, и они долго пили чай в ее кабинете, а потом самая известная повитуха столицы уезжала с просветленным лицом, а маман становилась очень задумчивой…

Впрочем, я отвлеклась!

На торжественной церемонии дипломы, подписанные попечительским советом, вручала сама герцогиня Ольденбургская. А медали — золотые и серебряные — выдавала лично императрица!

Маман стояла рядом с ними и буквально сияла, глядя на нас. Мы не могли сдержать слез, глядя на нее — такую хрупкую, строгую и стойкую, в вишневом платье, с кружевной наколкой на посветлевших от ранней седины волосах.

За спиной мадам Медведевой стоял ее муж.

Генерал Медведев уже больше семи лет занимался женским образованием в Российской империи, так что его присутствию на этом торжестве никто не удивился.

Мы все в белых платьях, простроченных серебряной нитью, чинно, по успеваемости, подходили за своими дипломами и наградами и получали несколько добрых слов от герцогини и императрицы.

Маман не спешила с нами болтать — оставляла это удовольствие на вечерние посиделки, а мне так хотелось ее обнять и сказать, что Александра Николаевна стала для меня настоящей матерью! Едва сдержалась!

После торжественной части заиграла музыка, растворились двери в танцевальный зал, вошли молодые офицеры, и начался бал.

В школе ходили слухи, что “смолянки” и “павлушки” танцуют с великими князьями, с представителями дипломатического корпуса и со всевозможными князьями и принцами, в изобилии живущими при Дворе.

Мы им не завидовали — мы прекрасно понимали свое положение, поэтому для бала к нам пригласили выпускников Пажеского корпуса — того самого Сиротского отделения, которое училось по сходной с нами программе.

Я узнала об этом, перейдя в старший класс — тогда “мальчики Бенкендорфа”, так их называли, чуть не устроили в зале драку с “мальчиками Орлова”. Вернее, не драку, а дуэль без магии — на швабрах!

Да-да, представьте себе, князь Орлов, ближайший друг императора, имеющий немало наград, чинов и званий, после длительной болезни генерала Бенкендорфа, главы Особого магического отдела, принял на себя часть его обязанностей и, пользуясь отсутствием грозного начальника имперской безопасности, основал свой собственный офицерский корпус!

Император поначалу не соглашался на такой эксперимент, но его любимец настаивал на том, что Сиротская часть Пажеского корпуса слишком мала, выученных офицеров не хватает, поэтому нужно, отчаянно необходимо новое учебное заведение — привилегированное, для детей из самых знатных семей, напичканное всем самым лучшим и… с программой обучения, скопированной с нашей!

Как мы со временем узнали, у мальчишек даже уроки рукоделия сохранили! Правда, их учили вязать узлы, плести корзины, работать на токарном станке (Петр Великий умел, и тебе, княжич, не зазорно) и даже лепить горшки из глины!

Мы даже хихикали, пока маман и для нас такие уроки не устроила. Причем это выглядело не так, как принято заниматься рукоделием барышням из состоятельных семей. Те если что-то из глины лепят — им подают готовый кусочек, все объясняют, показывают, да еще перчатки вручают, чтобы кожу на руках не испортить.

Нас же маман повезла в гончарную мастерскую, в которой старый мастер за большие деньги показал нам все этапы подготовки глины — для кирпича, для штукатурки, для черепицы, для светильника, для печного горшка.

Потом мешки сухой глины, песка и нужных добавок привезли в школу, и мы, краснея, замешивали каждая свою шайку глины — предварительно размолов сухие камушки ручными жерновами.

Ох, как болели руки и пальцы!

Некоторые барышни из старших классов отказывались заниматься всем этим. Маман их не неволила. Попросила только сделать подробные записи о том, как правильно замешивать глину, как лепить, зарисовать все этапы, и на этом все.

Через пять лет в школу приехала мадемуазель Сиверс — одна из тех девочек, что была принята в школу сразу в старший класс и выпустилась через три года, по достижении восемнадцати лет. Она плача обнимала Александру Николаевну и порывалась упасть на колени.

Из ее сбивчивых слов мы узнали интересное — мадемуазель очень быстро вышла замуж по приказу своего родного отца-помещика за майора в отставке Круглицкого. Он был ее значительно старше, весьма дурен собою и нравом, но мадемуазель после выпуска и вздохнуть не дали — буквально через неделю повезли к венцу с родительским благословением, напев в уши, что она первая из своего выпуска выйдет замуж, и как это замечательно и хорошо!

Барышня поверила, доверившись своим мечтам и словам свахи.

Окрутили их быстро.

После скромного брачного пира молодые уехали в деревню, и там муж показал себя очень дурно — хозяйством не занимался, пил, щипал дворовых девок да играл в карты с соседями, а когда гостей не случалось — со своим денщиком по копейке.

Ожидавшая младенца молодая жена однажды спускалась из своих комнат вниз, чтобы выпить на ночь теплого молока, и обнаружила на черной лестнице вусмерть пьяного мужа в обнимку с денщиком. Мужчины орали дурные песни, а увидев ее, начали задирать “барыньку”, предлагая неприличное.

Что уж там вспыхнуло в голове воспитанной барышни, не ведаю, но даже кухарки потом шепотом пересказывали, что мадам схватила валек, висящий на стене, и отходила им двоих здоровых мужиков, да так, что с утра оба лежали едва не при смерти. Доктора мужу она пригласила к обеду, уверив всех, что муж и его слуга “перепили и свалились с лестницы пьяные”.

Доктор попался умный: под руку беременной барыне с искрящейся от гнева магией не полез, прописал пострадавшим примочки, самой бывшей мадемуазель — валерьянку и прохладные ванночки для ног, и поторопился уехать.

С того дня выпускница школы благородных девиц взяла хозяйство в свои руки, стряхнув романтический флер семейной жизни.

Мужа по ее приказу дворня держала в строгости — вина не наливали, девок не пускали, велели переписывать бумаги для ведения дел.

Сама же мадам Круглицкая “езжала по работам, солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы…” В том числе надзирала за маленьким гончарным производством, выращиванием овощей для ближайшего городка и собственного хозяйства и небольшой бумажной мануфактурой.

Александре Николаевне она падала в ноги, благодаря за то, что все нужные рецепты нашлись в ее школьных тетрадках, а позже директриса школы прислала ученице, попавшей в беду, адреса и рекомендательные письма к нескольким купцам, имеющим связи с моим дядюшкой, купцом первой гильдии Овчинниковым.

Глава 2

Какая же барышня не мечтает о бале?

Мечтала и я.

Пусть на Рождество и Пасху в нашей школе обязательно устраивали представление с танцами, а со среднего класса уже привозили к нам на репетиции и танцы кавалеров из Сиротского, а потом и Орловского училища, но первый выпускной бал…

Мы, пожалуй, уже со среднего класса представляли себе, как будем кружиться под огромной нашей хрустальной люстрою в объятиях непременно рослого и стройного кавалера, томно обмахиваясь веером между танцами и откушивая редкого в нашей жизни лакомства — настоящего сливочного мороженого.

Правда, перед балом пришлось выдержать суровые экзамены, каждый этап которых вносился в огромную "памятную книгу спора" и непременно запечатывался алым сургучом с оттиском школьной печати.

Для "равного сравнения" мы демонстрировали комиссии из дам-благотворительниц и нескольких чиновников департамента народного образования ровно те же умения, что и пансионерки Смольного и Павловского институтов — немецкий и французский языки, танцы, манеры, географию, родную речь, Закон Божий…

Дополнительно нас спрашивали Табель о рангах, рецепты различных блюд, обязательных на праздники — например, сочива или куличей, а еще разные мелочи вроде "какие звери держат щит на гербе императора?"

Мы чуть со смеху не попадали от такого вопроса, всем ведь известно, что звери-единороги, белые или черные, держат щиты в гербах великих князей, а императорский щит держат Архангелы Михаил и Гавриил!

Когда экзамены остались позади, и мы в дортуаре собирались на вручение дипломов, то, конечно, обсуждали не только давно всем известные оценки, награды и похвалы, но и следующий за бальным день.

Он тоже должен был стать особым. Выпускным.

После бала нам надлежало одеться в дорожное, спуститься по центральной лестнице в приемную гостиную и, дрожа от нетерпения, дождаться объявления швейцара:

— Барышне такой-то подано!

И, трепеща сердцем, идти к дверям, которые швейцар должен был распахнуть перед нами с поклоном — как перед взрослыми барышнями с дипломом.

Мы уже не раз наблюдали, как выпускались барышни короткого курса наук. Прятались под лестницей или в "селюльках" и подглядывали, как за ними — красивыми, нарядными, румяными — приезжали экипажи.

Некоторых барышень забирали дорогие нарядные кареты, а за иными приезжали обычные столичные извозчики, и не самые дорогие.

Случалось же, что явиться было некому — учились в нашей школе полные сироты, либо же за время учебы родственники умирали от какой-либо заразной болезни или старости.

Таких барышень увозили в дом генерала Медведева на его же парадной карете, чтобы уже оттуда представить их свету или Особому отделу — в зависимости от талантов и способностей выпускниц.

Года через три после открытия нашей школы его высокопревосходительство купил особняк на Мойке, сделал в нем ремонт и пристройку из красного кирпича, а после убедил Александру Николаевну ночевать в своем доме и даже иногда устраивать себе отдых — хотя бы на время последних недель беременности и первого месяца после родов.

Правда, маман все равно каждый год, набирая девочек в младшие классы, неделю или две ночевала в школе, чтобы лично следить за здоровьем и магией новичков, но остальное время все же проводила в семье.

Для нашей директрисы этот самый выпускной день всегда был самым тяжким.

Отчего-то с раннего утра в этот день у Александры Николаевны начинала болеть голова, появлялся звон в ушах, и даже порой прорывалась ее магия. К счастью, лишь короткими яркими искрами или легким треском нагретого воздуха.

Недели за две до этого события маман садилась писать рекомендательные письма для каждой — кому-то к знатной особе, кому-то к генералу Бенкендорфу или генералу Орлову, а то и самой императрице.

Почитывая на некоторых занятиях газеты, мы знали, что несколько мадемуазель из тех, что были приняты в школу двенадцати-тринадцати лет, после обучения получили от Александры Николаевны рекомендательные письма к императрице, были представлены внучкам императора и стали служить у них боннами.

Еще несколько “старших” выпускниц стали гувернантками у знатных дам, кое-кто вышел замуж, а кто-то уехал за границу “на воды”. Подробности, наверное, знали только маман да изрядно постаревший генерал Бенкендорф.

Этот “старый стервятник”, как иногда называли его в газетах, продолжал держать в руках Особый отдел и взял привычку являться на вручение дипломов, присматривая, как он шутил, “жен для своих офицеров”.

Я училась хорошо, так что получала диплом в первой пятерке — вместе с Софи Трубецкой. Мы подружились с этой красивой девочкой, похожей на фарфоровую куклу.

Первый год в школе она держалась особняком и во всем слушалась свою горничную, потом маман удалось эту особу убрать со школьного этажа, и Софи понемногу влилась в наш класс.

Правда, она все равно имела самое тонкое белье, самые красивые писчие принадлежности, инструменты и сладости, но относилась к этим вещам спокойно — просто привыкла, ведь у нее с рождения все было самое лучшее.

Я не тянулась дружить с ней, как некоторые девочки — из-за дорогих конфет, красивых лент или флакончика с фиалковой водой, который ей прислала в подарок матушка. В младшем классе мне приходилось усмирять свою магию, появившуюся слишком рано, и маман уделяла мне очень много времени, помогая одолеть внезапно возросшую силу.

В среднем классе, когда девочки превращались в буйных сорванцов, нас нагружали подвижными занятиями. С утра — гимнастика, обливание холодной водой, энергичное растирание и завтрак. Потом несколько умственных занятий, танцы, обед, короткий отдых и… полоса препятствий, верховая езда, стрельба из лука и арбалета, метание кинжалов, стилетов и камней в мишени, разные хитрые упражнения на ловкость и грацию.

После трех-четырех часов этаких занятий мы возвращались в дортуары с единственным желанием — лечь! Но нас уже ждали кувшины с горячей водой, чистое белье и платья. Притом классные дамы пристально надзирали, чтобы волосы заплетались безупречно, и выглядели мы не загнанными лошадьми, а скучающими барышнями после пялец.

В таком виде мы спускались к ужину, а после действительно занимались тем, что приносило нам радость — рукоделием, музыкой, рисованием, дополнительными уроками иностранного языка, плетением из шнурков, лепкой из глины или изготовлением игрушек из чесаного хлопка — для украшения елки.

Вот в этот период мы с Софи Трубецкой и сдружились. Она любила музыку, тонко ее чувствовала, хорошо играла на фортепьяно и пела, а меня очень успокаивала музыка, так что Александра Николаевна попросила Софи иногда играть для меня, если магия снова пыталась выйти из-под контроля.

Сидя вдвоем в “селюльке”, мы невольно присмотрелись друг к другу, стали больше общаться, и в какой-то момент Софи пожаловалась мне, что давно не видела свою мать.

В школе ее изредка навещали бабушка и дядя, да еще передавали гостинцы от неизвестной особы, но обязательно что-то дорогое, изысканное и непрактичное, впрочем, к таким вещицам Софи умела относиться бережно.

Я удивилась, отчего же мадемуазель Трубецкая не напишет своей матушке, пусть и в Париж? Почта работает. Конечно, письмо будет идти долго, месяц, возможно, два, но это лучше, чем никогда не иметь возможности написать родным.

Софи страшно удивилась.

Оказывается, она никогда не писала писем ни отцу, ни матери, ведь дядя и бабушка и так с нею виделись хотя бы раз в сезон. Мы с ней тогда разработали план по написанию писем ее родителям — для этого нужно было хитростью узнать у бабушки и дяди их адреса.

С отцом все получилось довольно просто — Софи заглянула в почту бабушки и списала обратный адрес с конверта. Мадам Трубецкая нежно любила оболтуса-сына и часто писала ему на Кавказ.

С матерью ничего не получалось — со свекровью она не имела отношений, дядя же при упоминании ее имени фыркал и твердил, что эта женщина испортила жизнь его брату.

Поколебавшись некоторое время, я спросила адрес у маман во время наших занятий магией. Александра Николаевна очень задумчиво на меня посмотрела, а потом сказала, что постарается узнать адрес мадам Трубецкой, в девичестве Мусиной-Пушкиной, и опять схватилась за голову, словно она у нее болела.

Через две недели маман остановила Софи в коридоре после ужина и вручила ей изящный, очень дорогой конверт:

— Это от вашей маменьки, дитя. К сожалению, по особому распоряжению все ваши письма должны отправляться через меня, но уверяю, я не стану ничего вымарывать, не уведомив вас, мадемуазель Трубецкая.

Софи побледнела, потом покраснела, порывисто обняла маман и убежала в дортуар, чтобы прочитать письмо в одиночестве.

— Акилина, — окликнула меня наша директриса, — пойди к Софи через полчаса, я думаю, ей захочется поплакать. Слезы — это иногда очень правильно!

Я отметила время на каминных часах и через полчаса с разрешения классной дамы, которая слышала приказ мадам Медведевой, отправилась в дортуар.

Софи сидела на кровати и беззвучно рыдала. Я просто села рядом и обняла ее…

Уже потом, в старшем классе, мы нечаянно подслушали разговор экономки и классной дамы. Они тихонечко засели в кабинете с расчетными книгами, пили наливочку и болтали.

Тогда и вспомнили Софи, ее мать и то, что “мадам нашей пришлось у самого государя разрешения на переписку просить! Он, говорят, сердит был, но мадам его уверила, что сама проследит за письмами, и вот теперь каждый раз все сама читает!”

Мы с мадемуазель Трубецкой переглянулись и промолчали. Успели оценить все, что делает для нас Александра Николаевна. Хотя немного позже я узнала, что и это было еще не все.